

БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПОЭТ

(Окончание. Начало на стр. 1)

В этом году у поэта сразу два юбилея, о которых широкой общественности практически не известно. Полвека назад родилась организация «Братскгэсстрой», которой в сибирской глуши было суждено построить известную на весь мир ГЭС. А 10 лет спустя после этого в молодом городе на Ангаре Евгений Евтушенко впервые прочел свою поэму «Братская ГЭС», которая буквально вытаскала его из забвения. А поскольку два этих события произошли в сентябре и мае соответственно, мы выбрали золотую середину между ними. К тому же это совпало с очередным приездом Евгения Александровича в Россию на свой поэтический вечер, который в одиннадцатый раз подряд он устраивает в свой день рождения на сцене Политехнического музея в Москве.

- Братск и все, что с ним связано, сыграли в моей жизни колоссальную роль. И дело даже не в том, что грандиозная стройка, сподвигнувшая на сочинение поэмы с одноименным названием, порвала оковы моей опалы... Хотя к чему слова? - Евгений Александрович неожиданно встал со скамейки в саду, - пойдете в дом, я вам кое-что покажу.

Мы поднялись по крутой деревянной лестнице на второй этаж в рабочий кабинет поэта, Евгений Александрович не без удовольствия выдержал некоторую паузу, давая мне повертеть по сторонам головой, и только после этого пригласил взглянуть на небольшой участок стены, обшитый деревом у окна.

- Здесь у меня нечто наподобие моего личного алтарика, который я стараюсь посторонним взглядом не баловать. Наверное, у каждого в жизни есть что-то подобное. Кто-то ставит туда иконки с образами, портрет любимого, наиболее дорогие для памяти вещи...

Из всего, что я увидел, мне были знакомы лишь портреты Пушкина с Есениным да потускневшие медаль «За отвагу» и Орден Красного Знамени.

Это не мои награды, - Евгений Александрович перехватил мой взгляд. - Это подарок от ветеранов войны в знак благодарности за песню «Хотят ли русские войны?»

Поэт тут же принялся объяснять суть других вещей и фотографий:

- Два моих деда, оба репрессированы в 1937-м; к сожалению, так и не могу найти места их захоронения. Дошата табличка с номером с могилы неизвестного заключенного, когда мы путешествовали по Колыме, где лагерных зон в 40 - 50-е годы было больше, чем жилых поселков, то натыкались на целые поля из таких табличек... А вот видите (если бы он сам не показал, я вряд ли заметил бы) - это номерной знак «Строителя Братской ГЭС», который был мне торжественно вручен на десятилетнем юбилее станции.

- А вы разве...

- Нет. И не строил, и не жил в палатках, где косички девчат зимой примерзали к

брезенту, и даже не благоустроивал Братск, когда ГЭС уже стала давать свои первые киловатты мощности. Но тем не менее порой у меня складывается ощущение, что я прожил жизнь строителя ГЭС от начала и до конца. Помню, когда я впервые оказался на строительной площадке и шел по плотине, сверху вдруг прямо мне на голову что-то закапало, а вокруг солнце светит, на небе ни облачка. Поднимаю глаза и вижу - на верхотуре стоит огромный кран, крановщица на руках выстала из кабины ребенка, и он писает прямо на меня. Слово благословляет. Это потом уже я узнал, что ни ясель, ни детских садов в поселке первостроителей не было. И целая глава в поэме, посвященная Нюшке - матери-одиночке, как-то сама собой напросилась на бумагу. А затем, когда в Братске я впервые читал свою поэму, в нескольких концах зала, моему, единственного клуба словно по невидимому сигналу поднялись сразу несколько женщин с младенцами на руках. Они показывали их мне и, боясь перебить, как бы говорили глазами: «Это мы, о которых вы написали...» Представляете мое состояние?

Я объездил практически весь мир, побывал в 94 странах, получил много различных премий и наград, но тот эпизод до сих пор один из самых счастливых и запоминающихся. И ведь он, не поверите, имел довольно интересное продолжение. В прошлом году, когда я ездил в Братск (руководство ГЭС приняло решение переиздать мою поэму), встречался с двумя инженерами, которые были в числе тех младенцев на первом исполнении «Братской ГЭС» и сидели тогда на руках у своих мам. Это дорогого стоит!

- Евгений Александрович, но почему все-таки Братская ГЭС? Ведь в середине прошлого века по стране прокатилась целая волнастроек союзного масштаба, неужели?..

- Нет, совсем не потому! Извините, что не дослушал ваш вопрос, но я заранее знаю, что вы хотите спросить. Мой родной город Зима, расположенный в Иркутской области, здесь ни при чем. Я бы поехал в Братск, даже если бы он находился у черта на куличиках.

Братская ГЭС стала первой стройкой в СССР такого масштаба, где не использовалась рабская сила заключенных. Первостроителям пришлось растаскивать крючьями колючую проволоку бывших лагерей - это стало символом надежды на беззагерное будущее и верой в наступление новой эры в стране. Именно поэмой стройка пользовалась особой притягательностью. Между прочим, Братскую ГЭС строили не так, как было принято во всем мире, сначала - поселок для строителей. Все воздвигалось параллельно. И до сих нигде не научились так строить.

Люди гордились тем, что они делают. Они были уверены, что та электроэнергия, которую они дадут, должна непременно высветить что-то новое. Если хотите, новые горизонты раз-

вития личности. И уверяю вас, в том не было никакой патетики. Такая объединенность людей общей целью была разве что на войне. Разве можно себе представить, чтобы на строительстве ГЭС людей, например с Кавказа, называли черножопыми, а евреев - жидами. Не было такого! Все были мазаны одной миррой и называли себя одинаково: строителями- братскгэсстроевцами. Разными были

Если подсчитать арифметически, я провожу в России не менее полугода. Но при этом я остаюсь верен своему убеждению, что человек физически должен жить там, где ему комфортно, где у него есть друзья и любимое дело. Ведь никто же не задумывается, например, что «Мертвые души» Гоголь написал в Риме, а Тургенев свои лучшие произведения - в Париже. От этого они ни хуже,

лись, партии очень похожи по своей сути. И для многих людей, не имеющих собственной позиции или каких-то деловых навыков, спрятаться за членство в партии - своего рода возможность реализовать свои никудышные способности. Быть, извините, в стаде всегда проще: и прокормиться, и от врага отбиться.

И вместо того, чтобы заниматься делом, люди много времени и энергии вынуждены тратить на борьбу, как внутри своей партии (с конкурентами, за место под солнцем), так и с партиями-оппонентами. Когда я был депутатом, ничего подобного у нас не было. Но и это еще не все. Членство в партии сегодня чаще всего зарабатывается не профессионализмом и деловыми качествами, а своей близостью к стаду. Люди вокруг это прекрасно понимают, и постепенно вся эта возня начинает вызывать апатию у большей части молодежи и многих талантливых людей. Они не хотят заниматься политикой. В результате у нас сегодня нет ни одного настоящего лидера, которого бы мы искренне уважали, которого бы цитировали. Попробуйте с ходу сказать афоризм кого-нибудь из современных политиков. Кроме шутивого черномырдского «хотели, как лучше, а получилось как всегда» - вряд ли что вспомните.

- И что вы предлагаете?

- Вы хотите, чтобы я дал рецепт, как обустроить Россию? Я бы, может, и попробовал, не будь великого Пушкина. - Евгений Александрович указал себе за спину большим оттопыренным пальцем - портрет Александра Сергеевича висит здесь неслучайно, и лучше него я не смогу это сделать. Даже не будучи политиком, он раньше других разобрался, что значит особый путь развития и что у каждой страны он - свой. Пушкин продемонстрировал обществу модель будущего человека России, решив изнурительный спор того времени между западниками и славянофилами. Александр Сергеевич на собственном опыте доказал, что любить свою страну, впитав все лучшее на западе, вполне возможно. В этом отношении его сознание через столетия нашло много общего с тем, каким оно было у братскгэсстроевцев. И если сегодня тот дух смогли бы воспроизвести в масштабах страны, у России в мире не было бы равных.

- Как вы воспринимаете тот факт, что вас сегодня многие называют поэтом-западником?

- Очень легко. Как в известной прибаутке про горшок и про печь, помните? Пусть называют как угодно. Мне просто жаль этих людей: они так до сих пор и не поняли, что все эти определения - искусственный плод фантазии. Пусть еще раз перечитают Пушкина. Кстати, несколькими годами ранее эти же самые люди обвиняли меня ни много ни мало в развале Союза. Что якобы мое творчество очень тому способствовало. Чуть полная! Ни один из числа так называемых официальных патриотов не написал такого реквиема-прощания с красным флагом, как в свое время это сделал Евтушенко.

- А каково ваше отношение к сегодняшней поэзии?

- Мне нравятся «девятиностики». В поколениях после шестидесятников было много начитанных и талантливых людей, но ничего значимого из них не получилось, и я даже знаю почему. Они решили писать, как Ахмадулина, Вознесенский, Бродский... Но имитация не способна породит великого поэта. Зато появилось много способных сатириков. Тех, кто стёб сделал главенствующей своей интонацией. Одновременно возникли попытки растоптать поколение поэтов-шестидесятников. Не вышло и никогда не выйдет. И будущее российской поэзии я вижу именно в «девятиностиках», в тех новых молодых русских людях, многие из которых уже презирают жизнь, основанную лишь на материальных ценностях.

Беседу вел
Виктор
СИРЫК
Фото
автора

лишь специальности. Я все это видел, варился несколько раз в том соку, в результате получилась поэма. И я без всякого преувеличения могу сказать, что «Братская ГЭС» стала поэтической историей страны того времени.

Очень жаль, что сегодня в России нельзя придумать нечто подобное той стройке. Это жизненно необходимо для нынешнего поколения, потому что оно нуждается в духовной встряске, которая бы смогла объединить их не только в поисках денег.

- Вы к такому выводу пришли, когда переехали жить за океан?

- Когда людей убивают только по национальному признаку, а молодежь в ушах носит сережки с изображением свастики - того символа, с которым пытались поработить страну, в которой они сегодня живут, - это позор. И неважно, с какого берега океана на это смотреть. Кстати, я уже неоднократно объяснял, что никуда из России не переезжал. И живу здесь не только, когда приезжаю выступить в день своего рождения в Политехническом музее, как стараются преподнести это некоторые журналисты.

ни менее любимы народом не стали.

У меня одинаково много друзей как за рубежом, так и в России, которым я верю и к которым отношусь с пиететом. Но есть при этом такие люди, которые живут в странах бюрократии, кабинетии, коридории. И где бы географически страны ни находились, эти люди всегда для меня - иностранцы.

- Вы же не всегда так к ним относились, был ведь период, когда вы сами являлись депутатом Верховного Совета СССР?

- Независимо от своего статуса и положения я всегда одинаково уважал людей с другим мнением. Сегодня же противоположная точка зрения даже не воспринимается. И исходит это именно из кабинетов. Чуть что не так, и ты уже - враг, антипатриот. Благодаря именно этой позиции над нами все явственнее маячит призрак однопартийной системы. С моей же точки зрения, существование партий - сродни анахронизму. Сразу хочу оговориться, что это имеет отношение не только к России. Везде, каких бы идейных направленностей они ни придержива-

